

МЭРИ АНТИН

ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ

Пронзительная история об эмиграции еврейской девушки из России в Америку в начале XX века

Мэри Антин

Земля обетованная. Пронзительная история об эмиграции еврейской девушки из России в Америку в начале XX века

«Директ-Медиа»
1911

УДК 82-94:821.111(73)
ББК 84(7Сое)-449

Антин М.

Земля обетованная. Пронзительная история об эмиграции еврейской девушки из России в Америку в начале XX века / М. Антин — «Директ-Медиа», 1911

ISBN 978-5-4499-1549-8

Переплетая размышления с политическими комментариями, биографию с историей, книга Мэри Антин рассказывает о непростом пути еврейской иммигрантки из России к обретению своей земли обетованной за океаном. Чувство разделения между Россией и Америкой, евреями и гоями, идишем и английским, присутствующее в повествовании, уравновешивается проницательным и ироничным восприятием событий автором. Рассказывая историю одного человека, «Земля обетованная» освещает жизни сотен тысяч людей, описывает жизнь и быт еврейской общины в Российской империи до революции. Вышедшая в 1912 году книга сразу стала бестселлером, и ещё до войны была много раз переиздана в США общим тиражом более 85 000 экземпляров. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 82-94:821.111(73)
ББК 84(7Сое)-449

ISBN 978-5-4499-1549-8

© Антин М., 1911
© Директ-Медиа, 1911

Содержание

Предисловие переводчика 8
Введение 10
Глава I. В пределах Черты 12
Глава II. Дети Закона 26
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Мэри Антин
Земля обетованная. Пронзительная история об эмиграции еврейской девушки из России в Америку в начале XX века

© Адаменко Т. Ю., перевод с англ., 2021
© Издательство «Директмедиа Паблишинг», оформление, 2021

* * *

Машке и Фетчке

Предисловие переводчика

Мэри Антин родилась в еврейской семье в Полоцке в 1881 году, она была второй по старшинству из шести детей в семье. В течение короткого периода в детстве, когда семейный бизнес процветал, с ней занимались частные репетиторы. В 1891 году, будучи не в состоянии обеспечить семью в России, её отец иммигрировал в США, приехав в Бостон вместе со многими другими восточноевропейскими и русскими евреями, которые спасались от погромов и искали возможность заработать на жизнь. Мать в одиночку заботилась о семье, Машке (в Америке она сменила имя на Мэри) и её старшая сестра Фетчке помогали ей, как могли. Три года спустя отцу Мэри удалось занять денег и купить билеты в Америку для жены и детей. В начале весны 1894 года семья иммигрировала в Бостон.

Иммигрантам было сложно найти постоянную работу, и старшей сестре Мэри вместо учёбы в школе пришлось работать на фабрике, чтобы обеспечить семью хотя бы самым необходимым.

Мэри быстро выучила английский язык и окончила гимназию за четыре года, после чего училась в Латинской школе для девочек. Когда она только начала учиться в гимназии, её учительница, желая продемонстрировать, чего ребёнок-иммигрант может достичь всего за четыре месяца изучения английского языка, отправила сочинение Мэри в журнал «Начальное образование», и его опубликовали. Появление нескольких стихотворений Мэри Антин в бостонских газетах сделало её местной знаменитостью.

После окончания Латинской школы для девочек в 1898 году карьеру Мэри Антин поддержали в качестве наглядного примера того, что американская система бесплатного образования может сделать для европейских иммигрантов. По настоянию лидера местной еврейской общины, знавшего о бедственном положении семьи Антин, собрание её длинных писем дяде летом 1894 г., в которых тринадцатилетняя Мэри подробно описывала путешествие из России в США, было опубликовано в переводе с идиша на английский в 1899 г. и стало первой книгой Мэри Антин «Из Полоцка в Бостон». Наблюдательность, способность к самоанализу, проявление сложных эмоций – это именно то, что привлекло к Мэри Антин внимание читателей. Книга стала бестселлером, помогла ей финансово поддержать семью и закончить школьное образование.

Будучи старшеклассницей, Мэри посещала Клуб естественной истории в общинном центре Хейл Хаус в Саут-Энде Бостона, где встретила Амадеуса Уильяма Грабау, профессора геологии и сына немецкого лютеранского священника. В 1901 году они поженились. Мэри Антин сохранила свою девичью фамилию. Когда Грабау стал профессором Колумбийского университета, они переехали в Нью-Йорк, и Мэри смогла осуществить свою мечту о поступлении в колледж. Она училась в Педагогическом колледже Колумбийского университета (1901–1902) и в Барнард-Колледж (1902–1904), но так и не закончила образование из-за рождения ребёнка. Свою единственную дочь Мэри Антин назвала Джозефиной Эстер в честь своей подруги Джозефины Лазарус.

Джозефина Лазарус, трансценденталистка и сестра поэтессы Эммы Лазарус, убедила Мэри Антин написать свою автобиографию. А смерть Джозефины в 1910 г. стала стимулом немедленно приступить к написанию книги, которую Мэри посвятила памяти своей подруги. В 1911 г. «Земля обетованная» стала публиковаться по частям в литературном журнале «Атлантик Мансли» (Atlantic Monthly), а в 1912 году была издана в форме книги издательством Хаутон Мифflин (Houghton Mifflin).

Рассказывая историю одного человека, «Земля обетованная» проливает свет на жизни сотен тысяч людей. Переплетая интроспекцию с политическими комментариями, биографию с историей, Мэри Антин воплощает в жизнь весь процесс превращения еврейского иммигранта

в американского гражданина, раскрывает влияние новой культуры и новых стандартов поведения на её семью. Ощущение разрыва между Россией и Америкой, евреями и гоями, идишем и английским, пронизывающее всё повествование, уравновешивается удивительно проницательными, иногда забавными, а порой серьёзными моментами озарения о способах его преодоления.

«Земля обетованная» прославляет перспективы, которые открывает перед иммигрантом Америка, противопоставляя богатые возможности Соединенных Штатов экономическому и культурному угнетению, с которым сталкивались евреи в Европе.

Книга мгновенно стала бестселлером и сделала Мэри Антин знаменитой, в течение следующих сорока лет было продано 85 000 экземпляров. Несмотря на несколько идеализированное изображение американской мечты, «Земля обетованная» стала одной из первых книг, в которой суровые реалии жизни иммигрантов были представлены американской аудитории на английском языке.

После публикации книги «Земля обетованная» Мэри Антин провела кампанию в поддержку кандидатуры Теодора Рузвельта на президентских выборах (победу он не одержал), а затем отправилась в тур по стране, встречаясь со своими читателями и рассказывая о темах, поднятых в её книге. Позднее Рузвельт сказал, что стал сторонником предоставления женщинам избирательного права именно благодаря знакомству с Мэри Антин и такими женщинами, как она. Дружба президента с Мэри доказывает её утверждение, что возможности иммигрантов в Америке безграничны.

Несмотря на стремление Антин к американизации, она также была убеждённой сионисткой и много писала в поддержку идеи создания еврейского государства. При этом она утверждала, что сионизм «ни в коем случае не является несовместимым с безграничной гражданской преданностью» Соединенным Штатам.

В 1914 году Мэри Антин опубликовала статью «Те, Кто Стучат в Наши Ворота» (They Who Knock at Our Gates), где она страстно защищала иммигрантов и выступала против ограничения иммиграции. Когда США вступили в Первую мировую войну в 1917 году, Антин читала лекции в поддержку Антигитлеровской коалиции, но её политическая активность привела к охлаждению отношений с мужем, который симпатизировал Германии. В 1920 г. Амадеус Грабау уехал работать в Китай. Хотя они переписывались, болезни и войны помешали Мэри Антин приехать в Пекин, а в 1946 г. её муж умер. Примерно в это же время она отошла от общественной жизни, поскольку страдала от неврастении, или синдрома хронической усталости, и ей физически было трудно продолжать писать, но время от времени она всё же публиковала короткие рассказы и очерки. Мэри Антин умерла от рака 15 мая 1949 года в городе Сафферн близ Нью-Йорка.

Адаменко Т. Ю.

* * *

Посвящается
ДЖОЗЕФИНЕ ЛАЗАРУС,
которая живет, исполняя свои пророчества.

Введение

Я родилась, я жила и я изменилась. Не пора ли написать историю своей жизни? У меня такое странное чувство, будто я умерла, потому что я совершенно не тот человек, чью историю собираюсь рассказать. Физическая преемственность с моим прежним «я» не является недостатком. Я могу говорить от третьего лица и не чувствовать, что притворяюсь. Я могу анализировать свой субъект, могу открыть всю правду, ибо она, а не я – моя настоящая героиня. Свою жизнь мне еще предстоит прожить, её жизнь закончилась в тот момент, когда началась моя.

Порой изучать человечество лучше на примере целого поколения, чем одной человеческой жизни, а духовные поколения так же легко разграничить, как и физические. Теперь я – духовное дитя от союза Прошлого и Настоящего в моем сознательном опыте. Мое второе рождение нельзя считать менее значимым из-за того, что у него не было физического воплощения. Несомненно, и раньше случалось, что одно тело служило оболочкой нескольким душам. Я также не отрекаюсь от кровных отца и матери, поскольку они так же участвовали в рождении моего второго «я», как и все предки моего рода. Они дали мне тело, чтобы у меня были глаза, как у отца, и волосы, как у матери. Они также наделили меня духом, чтобы я рассуждала, как отец, и была терпеливой, как мать. Но разве они посадили меня в защищённом саду, где солнце согревало меня, а зима не приносила вреда, пока они кормили меня из своих рук? Нет, они рано отпустили меня резвиться в полях, – возможно потому, что удержать меня было невозможно – где я ела дикие плоды и пила росу. Разве они учили меня по книгам, разве говорили, во что верить? Вскоре я сама выбрала свои книги и построила свой собственный мир.

В условиях этой дискриминации появилась Я, новое создание, которого ранее не существовало. И когда я нашла собственных друзей и побежала с ними домой, чтобы обратить моих родителей в веру в их совершенство, разве я не начала тогда создавать своих отца и мать так же, как они когда-то сотворили меня? Разве я не стала родителем, а они – детьми в этих отношениях учителя и ученика? И поэтому я могу сказать, что рождалась не единожды, и я могу рассматривать свое прежнее «я» как отдельное существо и сделать его предметом изучения.

Правильная автобиография – это исповедь на смертном одре. У честного человека столько работы, что времени размышлять о прошлом не остаётся, ибо есть сегодня и завтра с их насущными делами. Мир тоже настолько занят, что не может позволить себе изучать незавершенный труд человека, поскольку может оказаться, что он был напрасен, а миру нужны шедевры. И все же есть обстоятельства, при которых человек имеет основания сделать паузу в середине своей жизни и задуматься о прожитых годах. Тот, кто на раннем этапе своей жизни завершил конкретную задачу, может остановиться, чтобы рассказать об этом. Тот, кто пережил необычайные приключения в исчезающих условиях, может сделать паузу, чтобы описать их перед тем, как отправиться в стабильный мир. Также, возможно, раньше стоит выслушать того, кто, не сходя с проторенной тропы и не добившись ни единой выдающейся победы, прожил пусть и простую, но настолько насыщенную и содержательную жизнь, что на собственном опыте смог постичь универсальные законы жизни.

Мне еще нет тридцати, считая по годам, и я пишу историю своей жизни. Что же из вышеперечисленного служит моим оправданием для написания автобиографии? Я ничего не достигла, я ничего не открыла, даже случайно, как Колумб открыл Америку. Моя жизнь была необычной, но отнюдь не уникальной. И в этом как раз и заключена суть. Я понимаю, что моя история в общих чертах типична для многих, и именно поэтому я считаю, что её стоит записать. Моя жизнь – конкретная иллюстрация множества статистических фактов. Хотя я написала личные мемуары, я считаю, что они интересны прежде всего тем, что иллюстрируют десятки неописанных жизней. Я лишь одна из многих, кому суждено было прожить страницу современной истории. Мы – жилы кабеля, который связывает Старый Свет с Новым. Как

корабли, которые нас привезли, связывают берега Европы и Америки, так и наша жизнь перекидывает мост через горькое море расовых разногласий и недопонимания. До нашего прихода Новый Свет не знал Старого, но с тех пор, как мы начали прибывать, Молодой мир взял Старый за руку, и они учатся ходить бок о бок в поисках общей судьбы.

Возможно, я взяла на себя лишние хлопоты, придумывая оправдание своей автобиографии. Уже один мой возраст, мой истинный возраст, был бы достаточным основанием для её написания. Моя жизнь началась в средневековье, я это докажу, и вот я всё ещё здесь, ваша современница в двадцатом веке, восторгаюсь вашими новейшими идеями.

Если бы у меня не было лучшего основания для написания мемуаров, меня бы всё равно подтолкнули к этому мои личные потребности. Это в каком-то смысле вопрос моего спасения. Я была в самом впечатлительном возрасте, когда меня пересадили в новую почву. Я переживала тот период, когда даже нормальные дети, находясь в привычной среде, начинают исследовать свою душу и стараются понять себя и свой мир. И похоже, что с пути самопознания меня не смогла сбить даже необходимость исследовать новую внешнюю вселенную. Я отправилась в двойное путешествие навстречу открытиям, и это была захватывающая жизнь! Я подмечала каждую мелочь. Я не могла не думать о зыбкой, меняющейся панораме жизни, как и младенец не способен оторвать взгляда от сияния движущейся в его поле зрения свечи. При этом всё запечатлевалось в моей памяти с двойными ассоциациями, поскольку я постоянно обращалась к моему новому миру для сравнения со старым, а к старому миру для прояснения нового. Я стала ученицей и философом в силу обстоятельств.

Если бы меня привезли в Америку несколькими годами ранее, я могла бы написать, что мой отец эмигрировал в таком-то году, рассказала бы и о том, чем он зарабатывал на жизнь – это была бы семейная история. Но в тот момент, когда всё произошло, самым важным событием лично для меня стала эмиграция. Все процессы выкорчёвывания, транспортировки, пересадки, акклиматизации и роста происходили в моей собственной душе. Я чувствовала боль, страх, чудо и радость. Забыть это невозможно, ибо остались шрамы. Но я хочу забыть – иногда я мечтаю забыть. Думаю, я полностью усвоила своё прошлое, исполнила его волю, и хочу теперь жить сегодняшним днём. Больно осознанно существовать в двух мирах. Вечный Жид*[1] во мне ищет забвения. Я не боюсь жить дальше, только бы не пришлось слишком многое помнить. Подобно тяжёлому одеянию яркие воспоминания о давнем прошлом сковывают движения и не дают двигаться вперёд. И я придумала заклинание, которое должно вырвать меня из пут прошлого. Я уловила намёк старого морехода*, который рассказал свою историю, чтобы избавиться от неё. Вот и я на сей раз расскажу свою историю, и больше никогда не буду оглядываться назад. Закончив повествование, я напишу жирным шрифтом «Конец» и с силой захлопну книгу!

[1] Понятия и имена, выделенные звёздочкой (*), расшифровываются в Примечаниях издателя или глоссарии автора в конце книги и изложены в алфавитном порядке.

Глава I. В пределах Черты

Когда я была маленькой девочкой, мир был разделен надвое: Полоцк – место, где я жила, и чужую землю – Россию. Все маленькие девочки, которых я знала, жили в Полоцке с отцами, матерями и друзьями. Россия была местом, куда отцы уезжали по делам. Она была так далеко, и там происходило так много плохого, что матери, бабушки и взрослые тёти рыдали на вокзале, и до конца дня, когда отец отправлялся в Россию, мне полагалось быть грустной и тихой.

Через некоторое время я узнала о существовании другой границы, промежуточной области между Полоцком и Россией. Там, кажется, было место под названием Витебск, и ещё одно под названием Вильно, и Рига, и какие-то другие. Из этих мест приходили фотографии дядей и кузенов, которых никто никогда не видел, письма, а иногда и сами дяди. Эти дяди были такими же, как люди в Полоцке. Люди в России, понятное дело, сильно отличались. Отвечая на вопросы, приезжие дяди болтали всякие глупости, чтобы всех повеселить, поэтому не удавалось узнать, почему ехать в Витебск и Вильно, хотя и не были Полоцком, было не так плохо, как в Россию. Мама почти не плакала, когда дяди уезжали.

Однажды, когда мне было лет восемь, одна из моих взрослых двоюродных сестёр уехала в Витебск. Все отправились её провожать, а я нет. Я поехала вместе с ней. Меня посадили на поезд с моим лучшим платьем в узелке, я пробыла в поезде много часов и приехала в Витебск. Я не увидела, где именно закончился Полоцк, потому что мы мчались слишком быстро. По пути было множество мест со странными названиями, но я сразу поняла, когда мы прибыли в Витебск.

Железнодорожный вокзал был очень большим, он был гораздо больше, чем в Полоцке. Прибывало сразу несколько поездов, а не один. Там был огромный буфет с фруктами и сладостями, и место, где продавались книги. Из-за толпы кузина всегда держала меня за руку. Потом мы целую вечность ехали в такси, и я видела прекраснейшие улицы, магазины и дома, они были намного больше и красивее, чем в Полоцке.

Мы пробыли в Витебске несколько дней, и я увидела много чудесных вещей, но единственное, что меня по-настоящему удивило, вовсе не было новым. Это была река – река Двина. Постойте, но ведь Двина в Полоцке. Всю свою жизнь я смотрела на Двину. Как же тогда Двина могла оказаться в Витебске? Мы с кузиной приехали на поезде, но всем известно, что поезд может поехать куда угодно, даже в Россию. Мне стало ясно, что Двина тянется и тянется, как и железная дорога, а я всегда думала, что она заканчивается там, где заканчивается Полоцк. Я никогда не видела, где заканчивается Полоцк, я хотела бы увидеть, когда стану старше. Но о каком конце Полоцка может идти речь теперь? Я всю жизнь знала, что Полоцк расположен по обе стороны Двины, а Двина, как оказалось, никогда не обрывалась. Очень любопытно, что Двина остаётся прежней, а Полоцк превратился в Витебск!

Тайна этого превращения привела к плодотворным размышлениям. Граница между Полоцком и остальным миром не была, как я предполагала, физическим барьером, как забор, отделяющий наш сад от улицы. Теперь мир стал таким: Полоцк – ещё Полоцк – ещё Полоцк – Витебск! И Витебск не так уж сильно отличался, просто он был больше, ярче и многолюднее. И Витебск не был концом. Двина и железная дорога выходили за пределы Витебска, тянулись в Россию. Значит, Россия больше Полоцка? Здесь тоже не было разделительного забора? Как же мне хотелось увидеть Россию! Но очень немногие ехали туда. Когда люди ехали в Россию, это был признак беды – либо они не могли заработать на жизнь дома, либо их призвали в армию, либо их ждало судебное разбирательство. Нет, никто не ездил в Россию ради удовольствия. Ещё бы, ведь в России жил царь, и очень много злых людей, в России были ужасные тюрьмы, из которых люди никогда не возвращались.

Полоцк и Витебск теперь были связаны преемственностью земли, но их и Россию всё ещё разделяла неприступная стена. Став старше, я узнала, что хотя Полоцку и не нравилось ездить в Россию, Россия ещё больше возражала против приезда Полоцка. Людей из Полоцка иногда высылали обратно прежде, чем они успевали завершить свои дела, и часто по дороге домой с ними жестоко обращались. Казалось, что в России есть определенные места – Санкт-Петербург, Москва, Киев – куда моему отцу, дяде или соседу никогда не стоит приезжать, что бы их там ни привлекало. Полиция их задерживала и отправляла обратно в Полоцк как опасных преступников, хотя они никогда не делали ничего плохого.

Довольно странно, что с моими родственниками так обращались, но, по крайней мере, был предлог, чтобы отправить их в Полоцк – они оттуда родом. Но почему из Петербурга и Москвы выгоняли людей, которые жили в этих городах, и которым некуда было пойти? Так много людей – мужчин, женщин и даже детей – приезжали в Полоцк, где у них не было друзей, и рассказывали о том, как жестоко с ними обращались в России. И хотя они не были ничьими родственниками, их принимали, им помогали и устраивали их на работу, как погорельцев.

Очень странно, что царь и полиция хотели, чтобы вся Россия принадлежала только им. Это была очень большая страна, требовалось много дней, чтобы письмо дошло до чьего-то отца в России. Почему бы там не жить всем, кому этого хотелось?

Я не знаю, когда я стала достаточно взрослой, чтобы понять. Правду пытались донести до меня десятки раз в день, с того момента, как я стала отличать слова от пустых звуков. Моя бабушка говорила мне правду, когда укладывала меня спать. Родители – когда дарили мне подарки в праздники. Мои товарищи по игре – когда затаскивали меня обратно в угол ворот, чтобы пропустить полицейского. Ванка, маленький светловолосый мальчик, всем своим видом говорил правду, когда специально выбегал из-за развешенного его матерью белья, чтобы швырнуть в меня грязью, когда я проходила мимо. Я слышала правду во время молитвы, и когда женщины ссорились на базаре, и иногда, просыпаясь ночью, я слышала, как мои родители шептали её в темноте. В моей жизни не было времени, когда бы я не слышала, не видела и не чувствовала правды – почему Полоцк был отрезан от остальной России. Это был первый урок, который должна была выучить маленькая девочка в Полоцке. Но я долгое время этого не понимала. Затем настал момент, когда я узнала, что Полоцк и Витебск, Вильно и некоторые другие поселения находились в пределах «Черты оседлости»*, и на этой территории царь велел мне оставаться вместе с отцом, матерью, друзьями и всеми другими такими же людьми, как мы. Выходить за пределы Черты нам запрещалось, потому что мы были евреями.

Значит, вокруг Полоцка все-таки был забор. Мир был разделен на евреев и гоев*. Понимание этого пришло настолько постепенно, что не шокировало меня. Оно просачивалось в мое сознание капля за каплей. И к тому времени, когда я в полной мере осознала, что я пленница, тело уже привыкло к оковам.

В первый раз, когда Ванка кинул в меня грязью, я побежала домой и пожаловалась маме, которая отряхнула моё платье и обречённо сказала: «Чем я могу помочь тебе, моё бедное дитя? Ванка – гой. Гои делают с нами, евреями, всё, что им вздумается». В следующий раз, когда Ванка оскорбил меня, я не плакала, а побежала в укрытие, повторяя про себя: «Ванка – гой». В третий раз, когда Ванка плюнул на меня, я вытерла лицо и вообще ничего не подумала. Я принимала от гоев дурное обращение, как человек принимает погоду. Мир был создан определенным образом, и я должна была в нем жить.

Не все гои были похожи на Ванку. Рядом с нами жила семья гоев, которая была очень дружелюбной. Там была девочка моего возраста, которая никогда не обзывала меня и дарила мне цветы из отцовского сада. Ещё были Парфёновы, у которых мой дед арендовал свой магазин. Они относились к нам так, как будто мы и не евреи вовсе. Во время наших праздников они приходили к нам в гости и приносили подарки, тщательно подбирая такие вещи, которые еврейские дети могли бы принять. Детворе нравилось, когда им всё объясняли о вине, о фрук-

тах и свечах, и они даже пытались произнести соответствующие приветствия и благословения на иврите. Мой отец говорил, что если бы все русские были как Парфёновы, то не было бы никакой вражды между гоями и евреями, а хозяйка дома Федора Павловна отвечала, что русский *народ* в этом не виноват. Именно священники, говорила она, научили народ ненавидеть евреев. Конечно, ей лучше знать, ведь она была очень благочестивой христианкой. Она никогда не проходила мимо церкви, не перекрестившись.

Гои вечно крестились – когда входили в церковь и когда выходили из неё, когда встречали священника или проходили мимо образа святого на улице. Грязные нищие на ступенях церкви никогда не переставали креститься, и даже когда стояли на углу еврейской улицы и получали милостыню от еврейского народа, они крестились и бормотали христианские молитвы. У каждого гоя дома было то, что они называли «иконой», то есть образом или изображением христианского Бога. Икона висела в углу, и перед ней всегда горела лампада. Перед иконой гои произносили свои молитвы, стоя на коленях и беспрестанно крестясь.

Я старалась не смотреть в угол, где висела икона, когда заходила в дом гоев. Я боялась креста. Все в Полоцке боялись, все евреи, я имею в виду. Ибо именно крест делал человека священником, а священники были причиной наших бед, даже некоторые христиане это признавали. Гои говорили, что мы убили их Бога, но это абсурд, у них и Бога то никогда не было – только его изображения. К тому же, они обвиняли нас в том, что произошло давным-давно, сами гои говорили, что это было давно. Все, кто мог иметь к произошедшему какое-либо отношение, были мертвы уже целую вечность. И всё же они повсюду расставляли кресты и носили их у себя на шее, специально, чтобы напомнить себе об этих ложных вещах, и они считали благочестивым ненавидеть и оскорблять нас, настаивая на том, что мы убили их Бога. Поклоняться кресту и мучить еврея для них – одно и то же. Вот почему мы боялись креста.

Ещё гои говорили о нас, что мы использовали кровь убитых христианских детей при праздновании Песаха*. Конечно, это была бессовестная ложь. Меня тошнило от одной мысли об этом. Я знала обо всём, что нужно сделать для подготовки к празднику Песах с тех пор, как была ещё совсем маленькой девочкой. Дом должен был сиять чистотой даже в тех углах, куда никто никогда не заглядывал. Посуду, которой пользовались круглый год, убирали на чердак, и доставали специальную посуду для семидневного празднования Песаха. Я помогала распаковывать новую посуду и находила свою голубую кружку. Когда были повешены чистые занавески, открыты белые полы, и все в доме надели новую одежду, я садилась за праздничный стол в своём новом платье и чувствовала себя чистой как внутри, так и снаружи. И когда я задавала Четыре Вопроса*, о маце и горькой зелени, и о других вещах, и семья, читая из своих книг, отвечала мне, разве я не знала всего о Песахе и о том, что было на столе и почему? Это было дурно со стороны гоев – врать о нас. Младший ребенок в доме знал, как отмечался Песах.

Неделя Песаха, когда мы праздновали наш Исход* из земли Египетской, и чувствовали себя такими радостными и благодарными, как если бы это произошло только что, была тем временем, когда наши соседи гои решали напомнить нам о том, что Россия – это ещё один Египет. Я слышала об этом от людей, и это была правда. В Полоцке и в пределах Черты всё было относительно неплохо, но в русских городах, и еще больше в сельских районах – где разрозненно проживали еврейские семьи по специальному разрешению полиции, которая постоянно меняла свое мнение относительно того, позволить ли им остаться – гои превратили время Песаха в кошмар для евреев. Кто-то начинал лгать об убийстве христианских детей, а глупые крестьяне приходили от этого в ярость, и, напившись водки, отправлялись убивать евреев. Они нападали на них с ножами и дубинками, косами и топорами, убивали или пытали их, сжигали их дома. Это называлось «погром». Евреи, которым удалось уцелеть при погроме, приезжали в Полоцк израненными и рассказывали ужасные, жуткие истории о том, как маленьких детей разрывали на части на глазах у матерей. Услышав такое, невозможно не зарыдать и не задох-

нулся от боли. Люди, которые видели такие вещи, никогда больше не улыбались, сколько бы они ни прожили, иногда они седели за один день, а некоторые сходили с ума на месте.

Мы часто слышали, что погром возглавлял священник, несущий крест перед толпой. Крест всегда служил нашим врагам оправданием жестокости по отношению к нам. Я никогда не присутствовала при настоящем погроме, но бывали времена, когда угроза погрома нависала над нами даже в Полоцке, и во всех моих страшных фантазиях, когда я пряталась по темным углам, думая об ужасных вещах, которые гои собирались со мной сделать, я видела крест, безжалостный крест.

Помню, как однажды я подумала, что на нашей улице вспыхнул погром, и как я только от страха не умерла. Это был какой-то христианский праздник, и полиция предупредила нас, чтобы мы не выходили из дома. Ворота были заперты, ставни наглухо закрыты. Если ребенок плакал, няня грозила отдать его священнику, который скоро пройдет мимо. Со страхом и любопытством мы смотрели сквозь щели в ставнях. Мы видели шествие крестьян и горожан во главе с несколькими священниками, которые несли кресты, хоругви* и иконы. На почетном месте несли ковчег с мощами из монастыря на окраине Полоцка. Раз в год гои совершали крестный ход с этим мощами, и в связи с этим улицы считались слишком святыми для нахождения там евреев, и мы жили в страхе до конца дня, зная, что малейшее нарушение может привести к беспорядкам, а беспорядки – к погрому.

В тот день, когда я увидела шествие сквозь щель в ставнях, на улице были солдаты и полицейские. Всё было как обычно, но я об этом не знала. Я спросила няню, которая тоже смотрела сквозь щель у меня над головой, для чего были нужны солдаты. Она беспечно ответила мне: «На случай погрома». Да, там были и кресты, и священники, и толпа. Громко трезвонили церковные колокола. Все было готово. Гои собирались искромсать меня топорами и ножами, разорвать на куски веревками. Они собирались сжечь меня заживо. Крест – там крест! Что же они сделают со мной сначала?

Но гои могли сделать кое-что похуже, чем сжечь или разорвать мою плоть. Это случалось с беззащитными еврейскими детьми, которые попадали в руки священников или монахинь. Меня могли крестить. Это было бы хуже, чем смерть от пыток. Лучше мне утонуть в Двине, чем позволить капле крестильной воды коснуться моего лба. Меня бы заставили стоять на коленях перед отвратительными иконами, целовать крест – лучше я отдамся на растерзание проходящей толпе. Отречься от Единого Бога, преклониться перед идолами – лучше умереть от чумы и быть съеденной червями. Я была всего лишь маленькой девочкой, и не особенно храброй – когда мне было больно, я плакала. Но не было такой боли, которую я бы не вытерпела – нет, ни единой – лишь бы меня не крестили.

Все еврейские дети чувствовали то же самое. Рассказывали множество историй о еврейских мальчиках, которые были похищены царскими агентами и воспитывались в семьях гоев, пока они не стали достаточно взрослыми, чтобы пойти в армию, где они служили до сорока лет, и все эти годы священники пытались с помощью взяток и ежедневных пыток, заставить их принять крещение, но – тщетно. Это происходило во времена Николая I, но люди, прошедшие эту службу, были не старше моего деда, когда я была маленькой девочкой, они сами рассказывали о пережитом, и было ясно, что это правда, и сердце разрывалось от боли и гордости.

Некоторых из этих солдат Николая, как их называли, отрывали от матери, когда они были совсем ещё маленькими мальчиками лет семи-восьми. Их отвозили в отдалённые деревни, где их друзья никогда не смогли бы их найти, и передавали какому-нибудь грязному, жестокому крестьянину, который использовал их как рабов, и держал в хлеву со свиньями. Мальчиков никогда не оставляли вдвоём и давали им чужие имена, чтобы полностью отрезать их от родного мира. А затем одинокого ребенка отдавали священникам, где его пороли, морили голодом и запугивали – маленького беспомощного мальчика, который звал свою маму, но все равно отказывался креститься. Священники обещали ему вкусную еду, хорошую одежду и освобож-

дение от труда, но мальчик отворачивался и тайно произносил свои молитвы – молитвы на иврите.

По мере того, как он взрослел, его подвергали всё более жестоким пыткам, но он всё равно отказывался креститься. К этому времени он уже забыл лицо матери, и из всех молитв, возможно, только «Шма»* осталась в его памяти, но он оставался евреем, и ничто не могло заставить его измениться. После ухода в армию его подкупали обещаниями повышения по службе и наград. Он остался рядовым и выдержал жесточайшую дисциплину. Когда его демобилизовали из армии в возрасте сорока лет, он был сломленным человеком без дома, он не имел представления о своем происхождении и всю оставшуюся жизнь скитался по еврейским поселениям, разыскивая свою семью, он прятал шрамы от пыток под лохмотьями и просил милостыню, переходя от двери к двери. Если он был одним из тех, кто сломался под жестокими пытками и позволил себя крестить ради передышки от страданий, то Церковь никогда больше не отпускала его, как бы громко он ни протестовал, утверждая, что он все еще еврей. Если его заставали за проведением еврейских обрядов, то подвергали самому суровому наказанию.

Мой отец знал одного человека, которого забрали ещё маленьким мальчиком, но он никогда не уступал священникам даже под самыми страшными пытками. Поскольку он был очень умным мальчиком, священники были крайне заинтересованы в его обращении в свою веру. Они пытались подкупить его взятками, которые взывали бы к его честолюбию. Они обещали сделать из него великого человека – генерала, дворянина. Мальчик отворачивался и произносил свои молитвы. Потом его пытали и бросили в камеру, а когда он заснул от истощения, пришел священник и крестил его. Когда он проснулся, ему сообщили, что он христианин, и принесли распятие, чтобы он его поцеловал. Он отказался, отбросил распятие, но ему сказали, что он обязан делать то, что предписывает христианская вера, ибо отныне он крещеный еврей и принадлежит Церкви. Остаток жизни он кочевал между тюрьмой и больницей, он всегда держался за свою веру, произнося еврейские молитвы наперекор своим мучителям и расплачиваясь за это плотью.

В Полоцке были мужчины, увидев лица которых, можно было состариться за минуту. Они служили Николаю I и вернулись некрещёными. Белая церковь на площади, какой её видели они? Я знала. Я всем сердцем проклинала церковь каждый раз, когда мне приходилось проходить мимо неё. И я боялась – очень боялась.

В базарные дни, когда крестьяне приходили в церковь, и колокола звонили каждый час, у меня было тяжело на душе, и я не могла найти покоя. Даже в доме моего отца я не чувствовала себя в безопасности. Гул церковного колокола разносился над крышами домов, он всё звал, и звал, и звал. Я закрывала глаза и видела заходящих в церковь людей: крестьянок с их ярко расшитыми фартуками и стеклянными бусами, босоногих маленьких девочек с цветными платочками на головах, мальчиков в шапках, слишком глубоко натянутых на их светлые волосы, подпоясанных верёвкой мужиков в лыковых лаптях – их была цела толпа, они медленно продвигались вверх по ступенькам, крестясь снова и снова, пока их не поглотил черный дверной проём, и на ступеньках остались сидеть только нищие. Бум, бум! Что делают люди в темноте в окружении бледных икон и жутких распятий? Бум, бум, бум! Их колокол звонит по мне. Они будут пытать меня в церкви, когда я откажусь целовать крест?

Не стоило им рассказывать мне эти страшные истории. Они остались в далёком прошлом, а мы теперь жили при благословенном «Новом режиме». Александр III не был другом евреев, но всё же он не приказывал отнимать маленьких мальчиков у их матерей, чтобы делать из них солдат и христиан. Каждый человек обязан был служить в армии в течение четырех лет, и к еврейскому новобранцу, скорее всего, относились бы со всей строгостью, даже если бы его поведение было безупречным, но это не шло ни в какое сравнение с кошмарными условиями старого режима.

Но что действительно имело значение, так это то, что во время службы приходилось нарушать еврейские законы повседневной жизни. Солдату часто приходилось есть терефу* и работать в Шаббат*. Он обязан был сбрить бороду и проявлять почтение к христианским обычаям. Он не мог посещать ежедневные службы в синагоге, его личные молитвы прерывались насмешками и оскорблениями сослуживцев гоев. Он мог идти на самые разные хитрости, но, тем не менее, был вынужден нарушать иудейский закон. Вернувшись домой, по окончании срока службы, он не мог избавиться от клейма этих навязанных ему грехов. Целых четыре года он жил как гой.

Уже из-за одной только набожности евреи боялись военной службы, но были и другие причины, которые делали службу тяжким бременем. Большинство мужчин двадцати одного года – призывного возраста – уже были женаты и имели детей. Во время их отсутствия их семьи страдали, а дела приходили в упадок. К концу срока службы они становились нищими. И как нищих их отправляли домой с их военного поста. Если на момент увольнения у них оставалась хорошая военная форма, то её забирали и выдавали поношенную. Им давали бесплатный билет до дома и несколько копеек в день на расходы. Таким образом их спешно загоняли обратно за Черту, будто сбежавших заключенных. Царю они больше не были нужны. Если по истечении отпущенного на возвращение срока их находили за пределами Черты, то арестовывали и отправляли домой в цепях.

Существовал ряд исключений из правила об обязательной военной службе. Единственный сын семьи освобождался от службы, и некоторые другие. При медосмотре перед призывом многих не допускали к службе по состоянию здоровья. Это надоумило людей наносить себе телесные повреждения, чтобы вызвать временные увечья и иметь шанс не пройти медосмотр. В надежде избежать службы мужчины делали операции на глазах, ушах или конечностях, которые причиняли им ужасные страдания. Если операция прошла успешно, то пациента отвергала медкомиссия, он вскоре выздоравливал и становился свободным человеком. Однако часто требовалось, чтобы увечье признали неизлечимым, так что в результате этих тайных практик в Полоцке было много людей слепых на один глаз, или слабослышащих, или хромых, но легче было перенести эти вещи, чем воспоминания о четырёх годах службы в царской армии.

Сыновья богатых отцов могли избежать службы, не калеча себя. Всегда можно было подкупить военных комиссаров. Это была опасная практика – если бы о договорённости стало известно, больше всего пострадали бы не комиссары – но ни одна уважаемая семья не позволила бы забрать сына в новобранцы, не сделав всё возможное для его спасения. Мой дед едва не разорился, откупая сыновей от армии, а мама рассказывала захватывающие истории из жизни младшего брата, который долгие годы скрывался под чужими именами и обличиями, пока не закончился призывной возраст.

Если бы евреи избегали военной службы из-за трусости, они не наносили бы себе более страшные увечья, чем те, которые грозили им в армии, и от которых они оставались инвалидами на всю жизнь. Если бы причиной была скупость, – страх потерять прибыль от своего дела за четыре года, – они не отдавали бы все сбережения, не продавали бы свои дома и не влезали бы в долги в надежде подкупить царских агентов. Еврейский новобранец боялся, действительно боялся, жестокости и несправедливости со стороны офицеров и сослуживцев, он боялся за свою семью, которую часто оставлял на попечение родственников, но страх перед нечестивой жизнью был сильнее всех остальных страхов вместе взятых. Я знаю, ибо помню своего двоюродного брата, которого взяли в солдаты. Всё было сделано для того, чтобы спасти его. Деньги тратились налево и направо, мой дядя даже не поскупился приданым своей незамужней дочери, когда других средств не осталось. Мой брат также прошёл тайное лечение – в течение нескольких месяцев он принимал какое-то разрушительное лекарство, – но эффект был недостаточно выражен, и он прошёл медкомиссию. Первые несколько недель его рота была дислоцирована в Полоцке. Я видела, как мой кузен в Шаббат занимался строевой подготовкой

на площади, имея при себе оружие. Я чувствовала себя нечестивой, как будто это я согрешила. Легко понять, почему матери призывников постились и рыдали, молились и сводили себя беспокойством в могилу.

В нашем городе был человек по имени Давид Замещающий, потому что он, будучи освобождённым от службы, ушёл в армию вместо другого человека. Он сделал это за деньги. Полагаю, его семья голодала, и он увидел в этом шанс обеспечить их на несколько лет. Но поступать так грешно – идти в солдаты и быть обязанным жить как гой по собственной воле. И Давид знал, что поступил безнравственно, ибо он был благочестивым человеком в душе. Когда он вернулся со службы, он постарел и был сломлен тяжестью своих грехов. И он сам назначил себе покаяние, которое заключалось в том, чтобы проходить по улицам каждое утро в Шаббат, призывая людей к молитве.

Делать это было непросто, потому что Давид усердно трудился всю неделю в любую погоду, летом или зимой, и не было утром в Шаббат более усталого, слабого и разбитого человека, чем Давид. Тем не менее, он заставлял себя подниматься с постели еще до рассвета и шёл от улицы к улице по всему Полоцку, призывая людей проснуться и совершить молитву. Много раз призыв Давида будил меня утром в Шаббат, и я лежала, слушая, как его голос постепенно удаляется и затихает, и было грустно до боли, как щемит сердце от прекрасной музыки. В сером утреннем свете, когда не спала только я и Давид, а Бог ждал молитв народа, было очень одиноко, и я была рада ощущать тепло сестры, спящей рядом со мной.

Гои удивлялись, почему нас так беспокоило всё, что связано с религией – еда, Шаббат и обучение детей ивриту. Они злились на нас за наше так называемое упрямство, насмехались над нами и высмеивали самое святое. Но были и мудрые гои, которые всё понимали. Это были образованные люди, такие как Федора Павловна, которые подружились со своими еврейскими соседями. Они всегда относились к нам с уважением и открыто восхищались некоторыми нашими обычаями. Но большинство гоев были невежественными, недоверчивыми и злобными. Они не верили, что в нашей религии есть что-то хорошее, и, конечно, мы не осмеливались убеждать их в обратном, потому что в этом случае нас бы точно обвинили в том, что мы пытаемся обратить их в свою веру, и тогда нам конец. Ох, если бы они только могли понять! Однажды Ванка поймал меня на улице, таскал за волосы и обзывал, и вдруг я спросила себя *почему – почему?* – этим вопросом я не задавалась долгие годы. Я так разозлилась, что могла врезать ему, в какой-то момент я была готова дать сдачи. Но это *почему-почему?* жгло мне душу, и я забыла отомстить за себя. Это было так чудесно – я не могла найти слов, чтобы выразить это, но смысл был в том, что Ванка издевался надо мной только потому, что *не понимал*. Если бы он мог чувствовать моим сердцем, если бы он хоть на день мог стать маленьким еврейским мальчиком, мне казалось, он бы понял – он бы понял. Если бы он мог понять Давида Замещающего, прямо сейчас, без сторонних объяснений, как поняла его я. Если бы он мог проснуться на моем месте утром в Шаббат и почувствовать, как его сердце разрывается от странной боли, потому что один еврей преступил закон Моисеев, а Бог склонился, чтобы помиловать его. Ну почему же я не могу объяснить это Ванке? Мне было так жаль, что душевная боль была сильнее боли от ударов Ванки. Гнев и храбрость покинули меня. Теперь Ванка забрасывал меня камнями с порога дома своей матери, а я шла дальше по своим делам, шла не спеша. От того, что ранит больнее всего, я убежать не могла.

Была одна вещь, которую гои всегда понимали, и это деньги. Они брали любые взятки в любое время. Мир в Полоцке стоил дорого. Если вы не поддерживали хороших отношений со своими соседями гоями, они находили тысячу способов досадить вам. Если вы прогнали их свиней, которые перерыли ваш сад, или возразили против дурного обращения их детей с вашими, то они могли пожаловаться на вас в полицию, раздувая дело ложными обвинениями и привлекая фальшивых свидетелей. Если у вас не было друзей в полиции, то дело могло быть передано в суд, и тогда можно считать, что вы проиграли ещё до начала судебного разбира-

тельства, если конечно у судьи не было причин встать на вашу сторону. Самый дешевый способ жить в Полоцке – платить по мере необходимости. Даже маленькая девочка знала это в Полоцке.

Возможно, ваши родители занимались коммерцией – обычно так и было, практически у каждого была своя лавка – и вы много слышали о начальнике полиции, сборщиках налогов и других царских агентах. Между царем, которого вы никогда не видели, и полицейским, которого вы, напротив, знали слишком хорошо, вы представляли себе длинную вереницу чиновников всех мастей, и все они тянули руки к деньгам вашего отца. Вы знали, что ваш отец ненавидел их всех, но видели, как он улыбается и кланяется, наполняя их жадные руки. Вы делали то же самое, только в меньшей степени, когда, увидев, что к вам по безлюдной улице приближается Ванка, вы протягивали ему огрызок своего яблока и заставляли себя улыбнуться. Эта фальшивая улыбка причиняла боль, вы ощущали черноту внутри.

В гостиной вашего отца висел большой цветной портрет Александра III. Царь был жестоким тираном – об этом шептались ночью за закрытыми дверями и плотно задвинутыми ставнями – он был Титом*, Хаманом*, заклятым врагом всех евреев, и всё же его портрет висел на почётном месте в доме вашего отца. Вы знали почему. Это играло вам на руку, когда полиция или государственные чиновники приходили по делам.

Однажды утром вы вышли поиграть на улицу, и увидели небольшую группу людей у фонарного столба. На нем было объявление – новый приказ начальника полиции. Пробравшись сквозь толпу, вы смотрите на плакат, но не можете прочитать, что там написано. Женщина в потёртой шали смотрит на вас и с горькой улыбкой говорит: «Радуйся, девочка, радуйся! Начальник милиции просит тебя радоваться. Сегодня над каждым домом должен развеваться красивый флаг, потому что сегодня День рождения царя, и мы должны его праздновать. Приходи и посмотри, как бедняки будут закладывать свои самовары и подсвечники, чтобы собрать деньги на красивый флаг. Это праздник, девочка. Радуйся!»

Вы понимаете, что женщина говорит с сарказмом, вам знакома такая улыбка, но вы следуете её совету и идёте смотреть, как люди покупают свои флаги. У вашей кузины лавка текстильных товаров, откуда открывается прекрасный вид на происходящее. Вокруг прилавка толпа, а ваша кузина и её помощница отмеряют куски ткани – красные, синие и белые.

«Сколько ткани потребуется?» – спросил кто-то. «Пусть я не узнаю о грехе столько, сколько узнал о флагах» – отвечает другой. «Как это всё сложить вместе?» «Обязательно нужны все три цвета?» Один покупатель положил несколько копеек на прилавок и сказал: «Дайте мне кусок флага. Это все деньги, что у меня есть. Дайте мне красный и синий, а для белого и рубашка сгодится».

Вы понимаете, что это не шутка. Флаг должен украшать каждый дом, иначе хозяина потащат в полицейский участок для оплаты штрафа в двадцать пять рублей. Что случилось со старушкой, которая живет в ветхой лачуге на отшибе? Это было в тот раз, когда приказали поднять флаги по случаю приезда в Полоцк великого князя. У старушки не было ни флага, ни денег. Она надеялась, что полицейский не заметит её жалкую избу. Но он заметил, бдительный попался, он подошел и выбил дверь своим здоровенным сапогом, и забрал последнюю подушку с кровати, и продал её, и поднял флаг над прогнившей крышей. Я хорошо знала эту старушку, у неё был один водянистый глаз и морщинистые руки. Я часто относила ей тарелку супа с нашей кухни. Когда полицейский забрал подушку, на её кровати не осталось ничего, кроме тряпья.

Царь всегда получал то, что ему причиталось, даже если при этом рушились семьи. Был один бедный слесарь, который задолжал царю триста рублей за то, что его брат сбежал из России, не отслужив в армии. Для гоев такого штрафа не существовало, только для евреев, и вся семья несла долговую ответственность. Слесарь никогда не смог бы заработать столько денег, и заложить ему было нечего. Приехала полиция и арестовала всё его имущество, включая приданое его молодой невесты, с продажи всего этого было выручено тридцать пять рублей. Через год

снова явилась полиция за остатком причитающегося царю долга. Они поставили свою печать на все, что нашли. Невеста была в постели со своим первенцем, мальчиком. Обрезание должно было состояться на следующий день. Полиция не оставила даже простыни, чтобы завернуть ребенка, когда его передадут на операцию.

Если вы были маленькой девочкой в Полоцке, до ваших ушей доходило немало горьких слов. «Этот мир фальшив», – слышали вы и знали, что так и есть, глядя на портрет царя и флаги. Ещё одна поговорка – «Никогда не говорите полицейскому правду», и вы знали, что это хороший совет. Этот штраф в триста рублей был для бедного слесаря приговором к пожизненному рабству, если бы только ему не удалось выпутаться обманным путём. Стоило ему обзавестись хоть каким-то имуществом, как за ним приходила полиция. Он мог бы скрыться под чужим именем, если бы смог сбежать из Полоцка по фальшивому паспорту, или подкупить нужных чиновников, чтобы они выдали фальшивое свидетельство о смерти пропавшего брата. До тех пор пока долг царю оставался неоплаченным, он мог обеспечить мир себе и своей семье только нечестными способами.

Поразительно, сколько пошлин и налогов мы должны были платить царю. Мы платили налоги на наши дома, налоги на арендную плату за дома, налоги на ведение торговли, налоги на прибыль. Не уверена, существовали ли налоги на наши убытки. Налоги собирал и город, и уезд, и центральное правительство, и начальник полиции, который всегда был с нами. Были налоги на общественные работы, но прогнившие деревянные мостовые продолжали гнить из года в год, а когда нужно было построить мост, взимались специальные налоги. Мост, кстати, не всегда был дорогой общего пользования. Железнодорожный мост через Двину был открыт для военных, но простые люди могли пользоваться им только по индивидуальному разрешению.

Мой дядя объяснил мне все об акцизах на табак. Табак, будучи источником государственных доходов, облагался большим налогом. Сигареты облагались налогом на каждом этапе процесса. Существовал отдельный налог на табак, на бумагу, на мундштук, и на готовое изделие тоже устанавливался дополнительный налог. Дым налогом не облагался. Должно быть, царь упустил это из виду.

Торговля не приносила прибыли, когда цена товара была настолько раздута налогами, что люди не могли ничего купить. Единственный способ получить прибыль – это обмануть правительство и мухлевать с налогами. Но обманывать царя было опасно, повсюду были шпионы, защищавшие его интересы. Люди, продававшие сигареты без государственной печати, получали от своей торговли больше седых волос, чем денег. Постоянный риск, тревога, боязнь ночной полицейской облавы и разорительные штрафы в случае разоблачения сулили торговцу контрабандным товаром очень мало прибыли или комфорта. «Но что поделаешь?» говорили люди, пожимая плечами – этот жест выражает беспомощность Черты. «Что поделаешь? Надо жить».

Жить было нелегко, при такой перенаселённости жёсткая конкуренция была неизбежна. Магазинов было в десять раз больше, чем должно было быть, в десять раз больше портных, сапожников, парикмахеров, жестянщиков. Гой, если он потерпел неудачу в Полоцке, мог уехать в другое место, где уровень конкуренции был ниже. Еврей, обойди он хоть всю Черту, нашел бы те же самые условия, что и дома. За пределами Черты ему дозволялось посещать только некоторые разрешенные места после уплаты непомерно высокого сбора в дополнение к постоянному потоку взяток. И даже тогда ему приходилось жить, отдавшись на милость местному начальнику полиции.

Ремесленники имели право проживать вне Черты при выполнении определенных условий. Когда я была маленькой девочкой, мне казалось, что это легко, пока я не поняла, как это работает. Был один шляпник, который получил надлежащую квалификацию, сдав экзамены и заплатив за свои торговые документы, чтобы жить в определенном городе. Но начальнику полиции неожиданно взбрело в голову поставить под сомнение подлинность его бумаг. Шляп-

ник был вынужден поехать в Санкт-Петербург, где он изначально получил квалификацию, для повторной сдачи экзаменов. Он потратил многолетние сбережения на мелкие взятки, пытаясь ускорить процесс, но увяз в бюрократической волоките на десять месяцев. Когда он наконец вернулся в свой родной город, то оказалось, что в его отсутствие был назначен новый начальник полиции, который обнаружил новый изъян в только что полученных документах и выслал его из города. Если бы он приехал в Полоцк, то увидел бы, что там одиннадцать шляпников делят между собой доход, которого едва хватило бы на жизнь одному.

Купцы были в том же положении, что и ремесленники. Они тоже могли купить право на проживание за пределами Черты, постоянное или временное, на условиях, которые не гарантировали им безопасность. Я гордилась тем, что мой дядя был купцом Первой гильдии, но это влетало ему в копеечку. Он должен был платить большой ежегодный сбор за звание и отчислять определенный процент от прибыли своего дела. Он имел право выезжать по делам за Черту дважды в год на срок не более шести месяцев. Если его находили вне Черты после истечения срока действия выданного ему разрешения, он должен был заплатить штраф, сумма которого могла превысить всё, что он заработал за свою поездку. Я представляла себе, как мой дядя путешествует по России, торопясь поскорее закончить свои дела в отведённый срок, в то время как полицейский идёт за ним по пятам, отсчитывая оставшиеся дни и часы. Это была глупая фантазия, но некоторые вещи, которые делались в России, действительно были очень странными.

В Полоцке случалось такое, от чего приходилось смеяться сквозь слёзы, как клоун. Во время эпидемии холеры городские власти неожиданно проявили рвение и открыли пункты по раздаче дезинфицирующих средств населению. К этому моменту четверть населения уже была мертва, и большинство умерших были похоронены, другие гнили в заброшенных домах. Оставшиеся в живых, некоторые из них были перепуганы до смерти, украдкой пробирались по пустынным улицам, шарахаясь друг друга, пока не пришли к назначенным пунктам, где они толкались и толпились, чтобы получить свои маленькие пузырьки с карболовой кислотой. Многие умерли от страха в те ужасные дни, но некоторые, должно быть, умерли от смеха. Ибо только гоям было позволено получить дезинфицирующее средство. Бедных евреев, у которых не было ничего, кроме вырытых для них могил, из пунктов раздачи прогнали.

Возможно, с нашей стороны было неправильно думать о своих соседях гоях, как о существах другого вида, но безумства, которые они творили, не прибавляли им человечности в наших глазах. Легче было дружить с животными в хлеву, чем с некоторыми из гоев. Корова, коза и кошка откликнулись на доброту и помнили, кто был к ним добр, а кто – нет. Гои различий не делали. Еврей есть еврей, его было положено ненавидеть, плевать на него и безжалостно использовать.

Помимо нескольких интеллигентных людей, единственными гоями, которые обычно не смотрели на нас с ненавистью и презрением, были глупые крестьяне из деревни, которых с трудом можно назвать людьми. Они жили в грязных избах вместе со своими свиньями, и единственное, что их заботило – как раздобыть еды. Это была не их вина. Земельные законы делали их настолько бедными, что им приходилось продавать себя, чтобы хоть как-то наполнить свои животы. Какая польза была нам от доброжелательности этих жалких рабов? За бочонок водки можно было купить целую деревню. Они трепетали перед самым подлым горожанином, и по сигналу длинноволосого священника затачивали свои топоры, чтобы использовать их против нас.

У гоев было своё оправдание их злодеяниям. Они утверждали, что наши торговцы и ростовщики наживались на них, а наши лавочники обсчитывали их. Люди, которые хотят защитить евреев, никогда не должны отрицать этого. Да, я подтверждаю, мы обманывали гоев всякий раз, когда осмеливались, потому что это было единственное, что нам оставалось. Помните, как царь вечно присылал нам указы – вы не должны делать этого и не должны делать

того, пока не оставалось практически ничего, чем можно было бы заниматься честно, кроме как заплатить дань и умереть. Он собрал нас вместе и держал взаперти, тысячи людей там, где могли жить только сотни, и все средства к существованию облагались максимальным налогом. Когда на одной территории слишком много волков, они начинают охотиться друг на друга. Мы, голодающие пленники Черты, жили по законам голодной волчьей стаи. Но наша человечность проявлялась в том, что мы проводили различия между нашими жертвами. При любой возможности мы щадили свой род, направляя против наших расовых врагов коварные уловки, на которые нас толкала горькая нужда. Разве это не кодекс войны? В тылу врага мы не могли действовать иначе. Еврей вряд ли смог бы заниматься коммерцией, если бы не выработал двойную совесть, которая позволяла ему делать с гоем то, что считалось бы грехом по отношению к собрату еврею. Подобные духовные деформации сами себя объясняют. Взглянув на законы Черты, невольно задумываешься, как вообще русским евреям удалось сохранить человеческий облик.

Могильщик из Полоцка

Любимой жалобой на нас было то, что мы жадны до золота. И почему гои не могли увидеть всю правду там, где они видели половину? Да, мы жаждали прибыли, сделок, сбережений, стремились выжать по-максимуму из каждой сделки. Но почему? Разве гои не знали причину? Разве они не знали, какую цену мы должны были заплатить за воздух, которым мы дышали? Если бы еврей и гой держали лавки по соседству, гой мог бы довольствоваться меньшими доходами. Ему не нужно было покупать разрешение на выезд в деловых целях. Он не должен был платить штраф в триста рублей, если его сын уклонялся от военной службы. Ему не нужно

было платить, чтобы утихомирить подстрекателей погромов. Расположение полиции он покупал по более низкой цене, чем еврей. Его природа не заставляла его делать взносы на школы и благотворительность. Быть христианином ничего не стоило, напротив, это приносило ему награды и привилегии. Быть евреем было роскошью, платить за которую приходилось либо деньгами, либо кровью. Стоит ли удивляться, что мы держались за свои гроши? Что для войны щит в битве, то для еврея рубль в Черте.

Знание вещей, о которых я рассказываю, оставляет шрамы на теле и в душе. Я помню маленьких детей в Полоцке с лицами стариков и глазами с поволокой тайны. Я научилась хитрить, раболепствовать и лицемерить прежде, чем узнала названия времен года. И у меня было достаточно времени, чтобы поразмышлять над этими вещами, потому что мне нечем было заняться. Вот если бы меня отправили в школу – но, конечно, меня туда не отправили.

Для девочек не было бесплатных школ, и даже если ваши родители были достаточно богаты, чтобы отправить вас в частную школу, вы не смогли бы далеко пойти. В среднюю школу, которая находилась под контролем государства, еврейских детей принимали в ограниченном количестве – только каждого десятого из ста претендентов – и даже если вам повезло, трудности на этом не заканчивались. Репетитор, который вас готовил, говорил об экзаменах, которые вам предстоит сдать до тех пор, пока вам не становилось страшно. Вы отовсюду слышали, что самым умным еврейским детям отказывали в поступлении в школу, если экзаменаторам не нравился их крючковатый нос. Вы пришли на экзамен вместе с другими еврейскими детьми, на душе тяжело из-за переживаний по поводу носа. Конечно же, был специальный экзамен для еврейских кандидатов, девятилетний еврейский ребенок должен был ответить на вопросы, которые тринадцатилетний гой с трудом мог понять. Но это не так уж и важно. Вы были готовы к экзамену, рассчитанному на тринадцать лет, вопросы вам показались довольно простыми. Вы с триумфом написали свои ответы – и получили низкую оценку, а обжаловать результат было нельзя.

Бывало, я стояла в дверном проеме отцовского магазина, жуя невкусное яблоко, и смотрела, как ученики возвращаются домой из школы парами и по трое: девочки в аккуратных коричневых платьях, чёрных фартуках и маленьких соломенных шляпках, мальчики в опрятной форме со множеством пуговиц. У них всегда было много книг в ранцах за спиной. Они брали их домой, читали, писали и учились всяким интересным вещам. Они мне казались существами из другого мира. Но у тех, кому я завидовала, были свои проблемы, как я часто слышала. Их школьная жизнь была сплошной борьбой с несправедливостью со стороны преподавателей, с жестоким обращением одноклассников и повсеместными оскорблениями. Те, кто благодаря героическим усилиям и невероятной удаче, успешно завершили курс обучения, наталкивались на новую стену, если решали двигаться дальше. Их не принимали в университеты, квота была три еврея на сто гоев, при тех же препятствующих поступлению условиях, что и в средней школе – экзамены повышенной сложности, несправедливые отметки, или неприкрытый произвол при вынесении решения. Нет, царь не хотел, чтобы мы учились в школах.

Я слышала от матери, что когда её братья были маленькими мальчиками, дела обстояли иначе. У царя в то время возникла блестящая идея. Он сказал своим министрам: «Давайте просвещать народ. Давайте одержим победу над этими евреями с помощью государственных школ вместо того, чтобы и дальше позволять им упорно изучать иврит, который не учит их любви к своему монарху. Принуждение на них не действует, насильно обращённые всякий раз берутся за старое, как только осмеливаются. Давайте попробуем образование».

Возможно, мирное обращение евреев в христианство не было единственной целью царя, когда он повсюду открывал государственные школы и заставлял родителей посылать туда своих сыновей на обучение. Возможно, он просто хотел быть хорошим, и действительно надеялся, что это пойдет на пользу стране. Но евреям общественные школы казались дверью в бездну вероотступничества. Учителя всегда были христианами, преподавание было христианским,

а правила поведения в школе, касающиеся расписания, одежды и манер, часто противоречили еврейским обычаям. Государственная школа прервала священное обучение мальчика в еврейской школе. Где бы вы нашли благочестивых евреев после нескольких поколений мальчиков, воспитанных христианскими учителями? Очевидно, царь охотился за душами еврейских детей. Закончив школьный курс обучения, все они должны были войти прямиком в дверь церкви. И все благочестивые евреи восстали против школ, и всеми правдами и неправдами не пускали туда своих мальчиков. Чиновник, назначенный для ведения реестра мальчиков с целью их зачисления в школы, разбогател на взятках, которые ему платили обеспокоенные родители, скрывавшие своих сыновей.

Через некоторое время мудрый царь передумал, или умер, возможно и то и другое, и школы были закрыты, а еврейские мальчики снова стали спокойно изучать свои книги на иврите, и носили талит* у всех на виду, и никогда не оскверняли уста свои ни единым русским словом.

А затем передумали евреи, некоторые из них. Они захотели отправить своих детей в школу изучать историю и науку, потому что обнаружили, что и в этих дисциплинах есть добро, как и в Священном Законе. Этих людей называли прогрессивными, но у них не было возможности прогрессировать. Все цари, вступавшие отныне на престол, упорно отстаивали старое представление о том, что ни одна дверь не должна быть открыта для еврея – ни дверь за пределы Черты, ни дверь из их средневековья.

Глава II. Дети Закона

Когда я сейчас оглядываюсь назад, я вижу, что за стеной полицейского надзора, воздвигнутой вокруг места моего рождения, была ещё одна стена, более высокая, прочная и неприступная. Это та стена, которую царь со всеми своими прислужниками не мог поколебать, священники со своими орудиями пыток не могли пробить, толпа со своими подстрекателями не могла уничтожить. Эта стена внутри стены – религиозная целостность евреев, крепость, воздвигнутая узниками Черты наперекор их тюремщикам; оплот, возведённый на руинах их разграбленных домов, и укрепленный кровью их убитых детей.

Преследуемый со всех сторон, ощущающий бесплодность любых своих усилий, ограниченный узкими рамками, почти потерявший человеческий облик русский еврей обратился к тому единственному, что никогда не подводило его – к традиционной вере в Бога. Изучение Торы излечило все его раны, точное соблюдение традиционных обрядов стало выражением его духовных устремлений, а мечтая о восстановлении Палестины, он забывал о мире вокруг. Какое нам было дело в Шаббат или в праздник, когда наша жизнь была сосредоточена в синагоге, до того, какой царь сидел на троне, и какие злые советники шептали ему на ухо? Их волновали доходы, политика и всякие эфемерные пустяки, в то время как мы были полны решимости возобновить наш древний завет с Богом, чтобы Его обетование миру исполнилось, и на Земле воцарилась Божья справедливость.

В пятницу днем магазины и базары закрывались рано. Стихал гул торговли, оседала пыль тревог, и покой Шаббата разливался по тихим улочкам. Окна даже самой жалкой лачуги лучились священным светом, чтобы путник, идущий во тьме, увидел Дух Божий, снизошедший на скромный кров.

Озабоченность, страх и притворство спадали с каждого лица, как маска. В глазах стояли слёзы и мерцал огонёк сокровенной радости. Над каждой головой, склонившейся над священным писанием, сиял ореол Божьего присутствия.

Не только по праздникам, но и в будни мы жили по Закону, который был нам дарован через нашего учителя Моисея. Как питаться, как мыться, как работать – всё было записано для нас, и мы стремились исполнять Закон. Изучение Торы было самым почитаемым из всех занятий, и те, кто занимался им, были самыми уважаемыми из всех людей.

Я не могу вспомнить того времени, когда я была слишком мала, чтобы знать, что Бог сотворил этот мир, и назначил учителей, чтобы они говорили людям, как в нём жить. Сначала пришел Моисей, за ним великие раввины*, и, наконец, рав* из Полоцка, который целый день читал священные книги, чтобы рассказать мне, моим родителям и друзьям, что делать, когда у нас возникали сомнения. Если моя мать, разрезав курицу, обнаруживала, что с ней что-то не так – какая-то травма или отметина, которой быть не должно – она отправляла служанку с курицей к раву, а я шла вместе с ней и видела, как рав заглядывает в свои большие книги, и что бы он ни решил, он был прав. Если он называл курицу «терефой», я не должна была её есть даже если пришлось бы голодать. Рав знал обо всем: о путешествиях, о ведении торговли, о женитьбе, о том, как очистить посуду для Песаха. Другим великим учителем был даян*, который выслушивал в религиозном суде жалобы и улаживал споры по Закону, чтобы не пришлось обращаться в суды гоев. У гоев всё было фальшивым – судьи, свидетели и всё остальное. Они всегда благоволили к богачу в ущерб бедняку, к христианину в ущерб еврею. Даян всегда выносил справедливый приговор. Нохем Рабинович, самый богатый человек в Полоцке, смог бы выиграть дело против служанки, только если бы был прав.

Кроме рава и даяна были и другие люди, чьи профессии были связаны с религиозными традициями – шохат*, который знал, как убивать скот и дичь; хаззан* и другие служители

синагоги; учителя иврита и их ученики. Неважно, насколько беден был человек, его нужно уважать и ставить выше других людей, если он сведущ в Законе Божьем.

В синагоге десятки людей днями на пролёт сидели над книгами на иврите, учились и дискутировали с раннего утра и до самого вечера, когда им приносили свечи, а затем до тех пор, пока эти свечи горели. Они не могли тратить время на что-то другое, если хотели стать великими учёными. Большинство из них были не из Полоцка, и у них не было другого дома, кроме синагоги. Они спали на скамьях, на столах, на полу; они ели везде, где придётся. Они приезжали из отдалённых городов, чтобы учиться у хороших учителей в Полоцке, и горожане с гордостью поддерживали их, давая им еду, одежду, а иногда и деньги, чтобы они могли съездить домой на праздники. Но бедные ученики прибывали в таком количестве, что не хватало богатых семей, чтобы обеспечить их всех, так что некоторым из них приходилось терпеть большие лишения. Ученика в толпе было легко узнать по бледному лицу и тщедушному виду.

К нам домой почти всегда приходил на обед бедный ученик. Его приход был назначен на определенный день, и в тот день бабушка старалась приготовить на обед что-то особенно вкусное. Гость, сидевший с нами за столом, выглядел оборванцем, но мы, дети, смотрели на него с уважением. Бабушка рассказала нам, что он был ламданом* (ученым), и мы видели что-то святое в том, как он ел свою капусту. Не каждый мог надеяться стать равом, но ни один еврейский мальчик не должен был расти без хотя бы элементарного знания иврита. Даже из самого скудного дохода выделялись средства на обучение мальчика. Оставить мальчика без учителя было позором для всей семьи, вплоть для самого дальнего родственника. Для детей бедняков существовала бесплатная школа, существующая на пожертвования благочестивых людей. И поэтому каждого мальчика отправляли в хедер* (еврейскую школу) вскоре после того, как он научился говорить, и обычно он продолжал учиться до своей конфирмации в тринадцать лет, или дольше, насколько хватало таланта и амбиций. Моему брату было пять лет, когда он поступил в школу. В первый день его несли в хедер, накрыв талитом, чтобы скрыть от всего нечестивого, и подарили ему булочку, на которой мёдом были написаны эти слова: «Тора, оставленная Моисеем – наследие сынов Иакова».

Поступив в хедер, мальчик становился героем семьи. Ему подавали еду раньше, чем другим детям за столом, и для него ничего не жалели. Если семья была очень бедной, все девочки могли ходить босыми, но у мальчика, учившегося в хедере, обязательно была обувь; ему полагалась тарелка горячего супа, в то время как остальные члены семьи ели черствый хлеб. Когда ребе* (учитель) приходил днём в Шаббат, чтобы проверить знания мальчика в присутствии семьи, все садились за стол и радостно кивали, если он хорошо читал свой отрывок Писания; и в награду ему давали целое блюдце варенья, и его хвалили, и благословляли, и высоко ценили. Неудивительно, что в своей утренней молитве он говорил: «Благодарю Тебя, Господи, за то, что Ты не создал меня женщиной». Быть девочкой не очень-то хорошо, как видите. Девочки не могли стать учёными и раввинами.

Иногда я приходила в хедер моего брата, чтобы принести ему обед, и видела, как учились мальчики. Они сидели на скамьях вокруг стола, в головных уборах, конечно, а из-под пиджака виднелись кисти цицит*. Ребе сидел в конце стола, репетируя с двумя-тремя мальчиками, которые учили один и тот же отрывок, он указывал на слова деревянной указкой, чтобы не потерять место. Все читали вслух, самые маленькие мальчики пели алфавит, в то время как мальчики постарше нараспев читали свои отрывки, и все старались перекричать друг друга. Хорошие мальчики никогда не отрывали глаз от своей страницы, разве только чтобы задать ребе вопрос; но непослушные мальчики смотрели по сторонам и пинали друг друга под столом, пока их не заставал за этим занятиям ребе. У ребе была линейка, который он бил плохих мальчиков по рукам, а в углу комнаты к стене были прислонены длинные березовые розги для порки учеников, которые не учили свои уроки.

Мальчики приходили в хедер к девяти утра и оставались там до восьми или девяти часов вечера. Глупым ученикам, которые не могли запомнить урок, иногда приходилось оставаться до десяти. В полдень был час для обеда и игр. Хорошие маленькие мальчики спокойно играли на своих местах, но большинство мальчишек выбегали на улицу и прыгали, кричали и ссорились.

Не было ничего из того, что мальчики делали в хедере, чего не смогла бы сделать я – если бы не была девочкой. Для девочки было достаточно уметь читать свои молитвы на иврите* и понимать смысл перевода на идиш* внизу страницы. Чтобы научиться этому, много времени не требовалось – пара занятий с ребецин* (учительницей) – и после этого с книгами для девочки было покончено.

Настоящая школа девочки – кухня её матери. Там она училась печь, готовить и управлять домом, вязать, шить, вышивать, а в сельской местности также прясть и ткать. И пока её руки были заняты, мать учила её законам благочестивой еврейской семьи, поведению, достойному еврейской жены, ибо, несомненно, каждая девочка надеялась стать женой. Девочки рождались исключительно для этой цели.

Как же быстро оно наступало, благочестивое бремя замужества! Сегодня девочка играет в фанты со своими смеющимися друзьями, а завтра её уже нет в их кругу. Её пригласили на разговор с шадханом* (брачным посредником), который вот уже несколько месяцев расхваливал её таланты как домашней хозяйки, её благочестие, красоту и приданое среди семей, в которых есть сыновья брачного возраста. Её родители довольны зятем, которого предложил шадхан, и теперь, на последнем этапе, приводят девочку, чтобы её осмотрели и оценили родители будущего мужа. Если переговоры прошли гладко, составляется брачный договор, родители обмениваются подарками для помолвленной пары, и всё, что остаётся девочке от её девичества – это период напряжённой подготовки к свадьбе.

Хедер (Еврейская школа) для мальчиков в Полоцке

Если девочка из состоятельной семьи, то это счастливое время она проводит, посещая драпировщиков и портных, собирая бельё и перины, посуду из меди и латуни. Бывшие подружки приходят осмотреть приданое, с завистью щупают шелк и бархат наречённой. Счастливая героиня примеряет платья и накидки перед зеркалом, краснея при упоминании о дне свадьбы. А на вопрос «И как тебе жених?» она отвечает: «Откуда мне знать? На помолвке была такая толпа, что я его даже не видела».

Брак был таинством для нас, евреев Черты. Создание семьи и воспитание детей было служением Богу. Каждый еврейский мужчина и каждая еврейская женщина вносили вклад в исполнение древнего обещания, данного Иакову – в изобилии разбросать его семя по Земле. Поэтому считалось, что быть родителями – главное дело жизни. Но в то время, как мужчины, помимо производства потомства, могли заняться изучением Закона, единственным делом женщины было материнство. Угроза остаться старой девой, соответственно, была величайшей бедой для девочки, и для предотвращения этой катастрофы, девочка и её семья, включая самых дальних родственников, должны были приложить все усилия – либо внося вклад в её приданое, либо скрывая её недостатки от брачного посредника, либо держа пост и молясь о том, чтобы Бог послал ей мужа.

Все дети в семье не только должны найти пару, но и вступить в брак согласно старшинству. Младшая дочь ни в коем случае не должна выходить замуж раньше старшей. Дом может долго быть полон незамужних дочерей, если старшая не снискала расположения будущей свекрови, ни одна дочь не может выйти замуж прежде, чем это сделает старшая.

Моя двоюродная сестра была повинна в вероломном желании выйти замуж раньше старшей сестры, которую, к сожалению, отвергала одна свекровь за другой. Мой дядя опасался, что младшая дочь, обладающая жестким и деспотичным характером, сможет осуществить свои планы, тем самым опозорив свою несчастную сестру. Поэтому он поспешил заключить союз с семьёй, чей социальный уровень был гораздо ниже, и девочку поспешно выдали замуж за мальчика, о котором мало что было известно, кроме того факта, что он был подвержен чахотке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.